

СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ КЛЮЧЕ «В.В. РОЗАНОВ В.П. КАТАЕВ» (70-е гг. XX в.)

РЫБАКОВА Татьяна Васильевна

аспирант

Марийский государственный университет

г. Йошкар-Ола, Россия

В статье рассмотрены стилевые доминанты лирико-философской прозы В.В. Розанова, которая стала точкой отсчета формирования лирико-философской миниатюры. Традиции творческого мастерства Розанова продолжают жизнь в XXI в. и отличаются жанровой неопределенностью, фрагментарностью, интимностью, вещностью, становясь центральными элементами лирико-философского творчества. Цель: рассмотреть стилистические особенности, эксплицирующие лирико-философское сознание на уровне сопоставления творчества В.В. Розанова и В.П. Катаева. На основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что лирико-философская проза В.В. Розанова и В.П. Катаева сохраняет связь с ценностными контекстами, активно эволюционирует, отражая изменения в общественном сознании и индивидуальных взглядах на мир. Структурное разнообразие романа, проходящее через фрагментарность, дает читателю возможность погружаться в интеллектуальный диалог с автором, что свидетельствует о влиянии философской прозы В.В. Розанова. «Розановская» стилистика у В.П. Катаева, включающая лирические отступления и ассоциативные методы, помогает автору размыть границы между личным и универсальным, поднимая важные вопросы о жизни и человеческом существовании. «Алмазный мой венец» выходит за рамки простого художественного произведения, становясь зеркалом культурной жизни своего времени и продолжая традиции лирико-философской прозы, формируя тем самым уникальный стиль, в который вписываются и другие авторы того периода.

Ключевые слова: стилевые доминанты, лирико-философская проза, В.В. Розанов, В.П. Катаев, «Алмазный мой венец», концепт, ассоциативное поле, периферия.

Роман В.П. Катаева «Алмазный мой венец», впервые опубликованный в журнале «Новый мир» в 1978 г., вызвал неоднозначную реакцию в литературном мире. С одной стороны, произведение быстро обрело популярность среди интеллигенции, став предметом бурных дискуссий и обсуждений. Критики отмечали всплеск интереса к мемуарной и исторической прозе, чему во многом способствовал роман. Этот факт подтверждается Ириной Уваровой и Константином Роговым, которые в своем труде «Семидесятые: хроника культурной жизни» указывают на «бум мемуарной и исторической прозы», вызванный в том числе и романом Катаева. С другой стороны, единодушия в оценке не было. Сам Катаев выражал разочарование от сложившейся ситуации, считая себя непонятым и подвергаемым критике. Он описал свои чувства словами: «не понят Алмазный мой венец, клюют, щиплют» [3, с. 9]. Характерно, что роман вызвал разнополярные отклики в разных

средах. Так, эмигрант-западник Александр Гладилин, напротив, писал о том, что «Алмазный мой венец» вызвал «недовольство прогрессивной интеллигенции» [1, с. 32]. Гладилин утверждал, что в Советском Союзе появились «ядовито-кислые рецензии» на роман, и только радиостанция «Свобода» защищала Катаева и его произведение» [1, с. 32]. Л.К. Чуковская получила письмо от Давида Самойлова, в котором о катаевском романе говорилось, что это «набор низкопробных сплетен, зависти, цинизма, восторга перед славой и сладкой жизнью» [4, с. 68]. Евгения Книпович, напротив, писала об умении Катаева говорить о прошлом «с улыбкой и подначкой», о «безупречном чувстве меры» писателя [4, с. 69].

Одним из ключевых элементов, придающих роману особую интригу, становится тонкая, изящная «зашифрованность» действующих лиц, когда целая вереница портретов известных советских писателей, поэтов и друзей ав-

тора предстает перед читателем под «знаковыми» прозвищами-масками. «Литературная игра» Катаева, с одной стороны, придает повествованию дополнительную интригу, заставляя читателя разгадывать загадку идентичности персонажей, а с другой стороны, становится своеобразным кодом, позволяющим автору иронично и непосредственно отразить уникальные черты и особенности эпохи. Например, в «Алмазном венце» фигурирует «Командор», которого читатель без труда узнает во Владимире Маяковском, в «королевиче» – Сергея Есенина, а в «синеглазом» – Михаила Булгакова и проч., так как «для Катаева в «Алмазном венце» призраки ушедших всего реальнее – важно, чтобы не распалась ассоциативная связь» [2, с. 8]. Приведем далее катаевские «ключки» наиболее знаменитых писателей начала XX в.: «Ю. Олеша (1899-1960) – «ключик»; Э. Багрицкий (1895-1934) – «птицелов»; ... В. Нарбут (1888-1938) – «колченогий»; Н. Тихонов (1896-1979) – «альпинист/деревянный солдатик»; П. Антокольский (1896-1978) – «арлекин»; М. Зощенко (1894-1958) – «бывший штабс-капитан»; ... и др.» [5]. Автор добавляет: *«Здесь уместно объяснить читателю, почему я избегаю собственных имен и даже не придумываю вымышленных, как это принято в романах. Но, во-первых, это не роман. Роман – это компот. Я же предпочитаю есть фрукты свежими, прямо с дерева, разумеется выплевывая косточки. А во-вторых, сошлюсь на Пушкина: «Те, которые пожарили меня, что никак не назвал моего Финна, не нашел ни одного имени собственного, конечно почтут это за непростительную дерзость – правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имен и что я не боюсь никакой запутанности в своем рассказе»* [2, с. 244]. В.П. Катаев замечает: *«...Это просто новая форма, пришедшая на смену старой. Замена связи хронологической связью ассоциативной. Замена поисков красоты поисками подлинности, как бы эта подлинность ни казалась плохо. По-французски «мовэ» – то есть плохо. Одним словом, опять же – мовизм»* [2, с. 289].

Ассоциативное поле текста «Алмазный мой венец» В.П. Катаева построен на субъективно-авторском восприятии объекта речи,

и именно ассоциативность смысловых отношений между ядром поля и лексическими элементами текста позволяет анализировать данный текст в рамках ассоциативного (а не семантического) поля. То есть, если данный текст рассматривать с точки зрения ассоциативного поля, то ядром поля, по нашему мнению, будет являться название произведения (как сильная позиция текста). Но, так как сами тексты не имеют заглавий, то ядром ассоциативного поля может быть объект повествования или лирический герой, так как с ним семантически и ассоциативно связаны все лексические элементы текста, а это – основное условие существования ядра. Осмысление ассоциативных связей и семантических отношений между лексическими компонентами текста «Алмазный мой венец» позволяет утверждать, что ядром ассоциативного поля является концепт «бытие» [2, с. 2, 5, 84, 120], а периферией (ассоциатами): «мир» [2, с. 56, 84, 98], «мировоззрение писателя, внутренний мир писателя» [2, с. 13, 37], «место писателя» [2, с. 56, 108, 116], «духовная сторона» [2, с. 22, 125, 185], «планета Земля» [2, с. 90, 91, 131, 239], «Вселенная» [2, с. 292, 294]. Несмотря на то, что структура семантического поля несколько отличается от структуры ассоциативного поля, нельзя забывать, что ассоциативно сгруппированные компоненты текста обладают прочной семантической связью. В таких случаях к семантическому анализу художественного текста возможно применение интегрального подхода. Художественные образы В.П. Катаева часто создаются индивидуальным ассоциативным воображением автора, что позволяет анализировать их в рамках ассоциативного поля, учитывая логику семантических отношений между лексическими элементами текстовой системы. Описание «мира» реализуется субъективно-ассоциативным языковым путем. Объект – «бытийность» предстает перед читателем через описание как внутреннего мира писателя, так и его внешности, а также мировоззрения. Ядром ассоциативного поля данного текста может быть название произведения «Алмазный мой венец», а также подлежащее – субъект друга, подлинными именами которым автор не указывает, ушедшие в вечную весну призраки,

предполагает наличие реально существующего лица, которое можно назвать «объективным смысловым ядром» речевой ситуации), так как для В.П. Катаева важно, чтобы не распалась ассоциативная связь. Однако, учитывая то, что наименование произведения всегда является сильной позицией, а существительное в роли субъекта представляет вторичную номинацию, ассоциативным ядром текста правильнее было бы считать название «Алмазный мой венец».

Периферия (ассоциаты), формирующие поле текста, выявляют не только ценностные ориентиры личности В.П. Катаева, но и его эстетические антипатии и симпатии (через вербализованную или подразумеваемую оппозицию). Анализ оценочной лексики, функционирующей в пределах семантического и ассоциативного полей, помогает более наглядно представить аксиологическую «картину мира» автора. Отсюда свойственное В.П. Катаеву, как и В.В. Розанову, многоточие (картотека примеров насчитывает 123 единицы, например, «... нет возврата!...» [2, с. 36]); риторический вопрос («*В конце концов, зачем мне эта вечная весна? И существует ли она вообще?*» [2, с. 19]), а также эмоционально-оценочные высказывания (часто в виде эпитетов), портреты действующих лиц (наиболее часто, картотека примеров насчитывает 60 единиц описания персонажей).

Построение ассоциативного поля не является строго формальным, но вместе с тем не и не совершенно произвольным. В ходе линейного движения читателя по тексту в нем вычленяются некоторые «отрезки» текста разного объема и разного содержания. Катаев, подобно Розанову, использует прием фрагментарности, вплетая в свой текст разнообразные фрагменты – эпизоды, диалоги [2, с. 78-79, 107, 166 и др.], рассуждения-размышления персонажей или автора, вставки (как правило, обособленные скобками), например, «*(Не буду их называть. Это было бы нескромно.)*» [2, с. 268], цитаты из других произведений (причем «на память» автора), Катаев объясняет это так: «*У меня уже начала разрушаться память, и некоторые волшебные строчки выпали из полубытых стихов, как кирпичи из старинных замков эпохи Возрождения, так что*

пришлось их заменить другими, собственного изготовления» [2, с. 35]. Такая структура не является случайной. Катаев, как и Розанов, стремится создать атмосферу интеллектуального диалога, приглашая читателя к совместному размышлению над глубинными вопросами бытия, личности и искусства. Более того, важны интертекстуальные вкрапления [2, с. 12, 26, 27, 30, 32 и др.], исторические отсылки: «*Однако в темных, закопченных маленьких кирпичиках иных фабричных корпусов наглядно выступала старомодность девятнадцатого века викторианской Англии, Великобритании, повелительницы полумира, владычицы морей и океанов, именно такая, какую ее видел Карл Маркс*» [2, с. 32]. Данные отрезки вычленяются на основании того, что читатель усматривает в каждом из них сверхсмысл, выходящий за пределы непосредственного значения, передаваемого лексической и грамматической семантикой составляющих их языковых единиц, и соотносимый с произведением в целом, с его идейным содержанием, темой, сюжетом или выходящий в «затекстовое пространство» (интертекст). Вывод читателя по поводу сверхсмысла составляет основу либо интерпретации, герменевтического толкования текста, либо его критического разбора посредством различного их комбинирования, перестановок и установления новых, нелинейных отношений и зависимостей между ними. Фрагменты» текста начинаются с глагольных форм, временных оборотов («*Прошло более полувека, и однажды я...*» [2, с. 41]; «*Москва. Двадцатые годы. Тверская*» [2, с. 50]; «*Начинался третий год революции*» [2, с. 58]), пространственных оборотов («*Москва. Двадцатые годы. Тверская*» [2, с. 50]; «*Москва. Хитров рынок. Советская водогрейня*» [2, с. 240]). «Выводы» обладают субъективным признаком, поэтому и толкования одного и того же текста разными читателями могут быть различными. Автор для достижения своей цели разрушает связный линейный текст тем, что превращает его в совокупность разнородных фрагментов.

Жанр также специфичен. Сам В.П. Катаев отмечает: «*Алмазный мой венец*» – жанр, оставляем в тактически заявленной неопределенности...» [2, с. 7], «*Не роман, не рассказ, не*

повесть, не поэма, не воспоминания, не мемуары, не лирический дневник... Но что же? Не знаю!» [2, с. 101]. Роман «Алмазный мой венец» можно считать лирико-философским романом, в котором Катаев пытается охватить целую эпоху. В этом смысле прослеживается стиливая схожесть с жанром «новаторской прозы» В.В. Розанова: подобно Розанову, писатель не дает готовых ответов, а делится своими переживаниями и размышлениями, заставляя читателя думать и искать свои собственные истины: «Кто знает, какая нечеловеческая сила разрушила циклопические постройки древней Сицилии? И почему иные из них остались почти нетронутыми, не повер-

женными во прах?» [2, с. 43].

Таким образом, творчество Розанова, с его фрагментарностью, философской глубиной и диалогом с читателем, стало своеобразной основой для лирико-философской прозы 70-х гг. В.П. Катаев, как один из ярких представителей этого направления использует стилистические особенности В.В. Розанова, при этом трансформируя жанр, создавая собственный стиль. Безусловно, влияние Розанова не ограничилось только творчеством В.П. Катаева. Лирико-философская проза 70-х гг. XX в., в огромной степени опиралась на традиции В.В. Розанова, переосмысливая и развивая их в соответствии с новыми реалиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладилин А.Т.* Улица генералов : попытка мемуаров. – М.: Вагриус, 2008. – 317.
2. *Катаев В.П.* Алмазный мой венец ; Уже написан Вертер / сопроводит. статья Александра Нилина. – М.: Время, 2018. – 384 с.
3. *Котова М.А., Лекманов О.А.* В лабиринтах романа-загадки: Комментар. к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». – М., 2004. – 286 с.
4. *Котова М., Лекманов О.* Плешивый щеголь (из комментария к памфлетному мемуарному роману В. Катаева «Алмазный мой венец») // Вопр. лит. – М., 2004. – № 2. – С. 68-90.
5. *Лекманов О., Рейкина М., при участии Л. Видгофа* Валентин Катаев «Алмазный мой венец». Комментарий. – URL:<http://www.ruthenia.ru/document/528893.html> (дата обращения: 01.03.2025).

REFERENCES

1. *Gladilin A.T.* Generalov Street: an attempt at memoirs. Moscow: Vagrius, 2008. 317 p.
2. *Kataev V.P.* My diamond crown ; Werther has already been written / accompanied. article by Alexander Nilin. Moscow: Vremya, 2018. 384 p.
3. *Kotova M.A., Lekmanov O.A.* In the labyrinths of the novel-riddles: Comment. to V.P. Kataev's novel «My Diamond Crown». Moscow, 2004. 286 p.
4. *Kotova M., Lekmanov O.* The bald dandy (from the commentary to the pamphlet memoir novel by V.Kataev «My Diamond crown») // Vopr. lit. – M., 2004. – No. 2. – pp. 68-90.
5. *Lekmanov O., Reikina M., with the participation of L. Vidgof* Valentin Kataev «My Diamond crown». Comment. – URL:<http://www.ruthenia.ru/document/528893.html> (date of request: 03.01.2025).

STYLE DOMINANTS OF THE RUSSIAN LYRICAL AND PHILOSOPHICAL PROSE IN A V.V. ROZANOV – V.P. KATAEV'S COMPARATIVE WAY (70s OF THE XX CENTURY)

RYBAKOVA Tatyana Vasilevna

Postgraduate Student

Mari State University

Yoshkar-Ola, Russia

The article examines the stylistic dominants of V.V. Rozanov's lyrical and philosophical prose, which became the starting point for the formation of a lyrical and philosophical miniature. The traditions of Rozanov's creative skills continue to live in the XXI century. They are distinguished by genre uncertainty, fragmentation, intimacy, and substance, becoming the central elements of lyrical and philosophical creativity. Purpose: to consider stylistic features that explicate lyrical and philosophical consciousness at the level of comparing the works of V.V. Rozanov and V.P. Kataev. Based on the conducted research, it was concluded that the lyrical and philosophical prose of V.V. Rozanov and V.P. Kataev retains its connection with value contexts, actively evolves, reflecting changes in public consciousness and individual views on the world. The structural diversity of the novel, passing through fragmentation, gives the reader the opportunity to immerse himself in an intellectual dialogue with the author, which indicates the influence of V.V. Rozanov's philosophical prose. V.P. Kataev's Rozanov style, which includes lyrical digressions and associative methods, helps the author to blur the boundaries between the personal and the universal, raising important questions about life and human existence. «My Diamond Crown» goes beyond a simple work of art, becoming a mirror of the cultural life of its time and continuing the traditions of lyrical and philosophical prose, thereby forming a unique style into which other authors of that period fit.

Keywords: stylistic dominants, lyrical and philosophical prose, V.V. Rozanov, V.P. Kataev, «My diamond crown», concept, associative field, paraphrase.
